

© 2010 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ, ИСТОРИОПИСАНИЕ В РИМСКО-ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ МИРЕ» (Казань, 9–11 декабря 2009 г.)

В ознаменование 100-летия со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка на кафедре истории Древнего мира и Средних веков Казанского государственного университета с 9 по 11 декабря 2009 г. была проведена научная конференция «Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире». Казанский университет взял на себя инициативу по организации данного мероприятия далеко не случайно, так как изучение различных аспектов истории эллинизма и исследование этого исторического феномена в отечественной и мировой историографии традиционно являются приоритетными направлениями в работе казанских антиковедов. До революции в этой сфере работали такие видные специалисты, как Ф.Г. Мищенко (1847–1906) и М.М. Хвостов (1872–1920), позднее, в советское и постсоветское время, – А.С. Шофман (1913–1993) и В.Д. Жигунин (1943–2001), а в настоящее время исследованием эллинистической проблематики занимается целый ряд преподавателей, аспирантов и студентов кафедры. Символично, что данное мероприятие проводилось в те же дни, когда отмечалось 70-летие исторического факультета КГУ.

По мысли организаторов конференции она должна была послужить разработке конкретных проблем истории (в первую очередь политической) римско-эллинистического мира, изучению различных аспектов творчества Полибия и других античных историков, а также обращению к теоретическим вопросам, связанным с сущностью эллинизма, т.е. рассмотрению той проблематики, которая составляла основной круг научных интересов Ф.У. Уолбанка. Конференция была организована при финансовой поддержке Оксфордского Российского фонда, а к участию к ней были «адресно» приглашены те исследователи, кто специализируется по данной проблематике, – от признанных специалистов до перспективных (хочется надеяться) аспирантов и даже студентов из различных университетов России.

На пленарном заседании с приветственным словом к участникам конференции обратились представители ректората КГУ и Оксфордского Российского фонда. Затем слово было предоставлено *Д. Томпсон* (Кембридж) – дочери Ф.У. Уолбанка. Она рассказала о жизненном пути ученого, его детских и юношеских годах, учебе и научной деятельности. Ее рассказ помог участникам конференции лучше узнать о чертах характера и личности Ф.У. Уолбанка, чаще всего остающихся за рамками «официальных» материалов, повествовавших о его жизни и деятельности. По просьбе профессора *Р.М. Эррингтона* (Берлин), не сумевшего по объективным причинам приехать в Казань, был зачитан воспоминания о Ф.У. Уолбанке – его коллеге, учителе и друге.

На пленарном заседании было заслушано также два доклада, посвященных анализу научного творчества Ф.У. Уолбанка. *В.И. Кащеев* (Саратов) обозначил тему своего выступления следующим образом: «Фрэнк У. Уолбанк как исследователь Полибия». Он проанализировал основные труды исследователя, посвященные анализу различных сторон жизни и творчества великого греческого историка, – темы, занимающей одно из ведущих мест в научном наследии Ф.У. Уолбанка. Докладчик остановился на характерных для английского исследователя подходах и методах, определил его вклад в мировую историографию по данной проблематике.

Ю.Н. Кузьмин (Самара) представил доклад «Ф.У. Уолбанк и проблемы государственности Македонии в эпоху эллинизма». Автор отметил, что наиболее важные выводы по указанной проблематике были сформулированы британским историком в ряде работ, опубликованных в первой половине 1980-х годов. Уолбанк допускал, что цари из династии Антигонидов формально признавали македонян составным элементом государства, но, вопреки мнению сторонников концепции так называемой «демократической монархии», считал, что реальными политическими правами македоняне все же не обладали. Однако, подчеркнул докладчик, в своих выводах Уолбанк избежал и крайностей концепции «македонского абсолютизма». Основываясь на нынешнем состоянии комплекса источников, который значительно расширился за время, истекшее после обращения британского ученого к данным

сюжетам (главным образом благодаря находкам эпиграфических памятников), следует признать, что Македонское государство эллинистической эпохи было сложным политическим и социальным организмом, сочетавшим в себе монархические, федеративные и полисные элементы.

Далее работа конференции велась последовательно в четырех секциях, причем практически все участники присутствовали на заседаниях каждой из них и активно обсуждали представленные доклады. В первой секции «Творчество Полибия: “прагматическая история” в действии?», было заслушано пять докладов. *А.В. Мосолкин* (Москва) обратился к теме «“Прекрасный мыс” и датировка первого римско-карфагенского договора». Он сделал предположение, что так называемый первый договор Рима с Карфагеном имел основу в виде некоего «типового» договора, заключенного карфагенянами с сицилийскими греками. Это позволяет допустить, что данное соглашение появилось *после* разгрома пунийцев при Гимере сиракузским тираном Гелоном (480 г. до н.э.) (прежняя датировка римско-карфагенского соглашения – 509 г. до н.э. – современной наукой оспаривается). Если принять во внимание информацию, что Гелон намеревался основать новое поселение в Восточной Африке, допустимо сделать вывод, что, заключая договор с римлянами, пунийцы также стремились защитить свои восточные территории. В этом случае оказывается возможным согласиться с Полибием и отождествить Прекрасный мыс с Мысом Меркурия – совр. Рас Аддер.

В.А. Леус (Саратов) в докладе «Осада Нового Карфагена в изложении Полибия» подчеркнул большое значение этого эпизода в формировании «Сципионовской легенды». В частности, римский полководец рассказал воинам о том, что ему накануне штурма приснился Посейдон, обещавший помощь при взятии города. Благодаря Полибию мы имеем единственное упоминание об этом сне; однако анализ текста греческого историка приводит к выводу, что он использовал это эпизод с целью показать возможность влияния выдающейся личности на массы. Сципион же описывается здесь Полибием как идеальный полководец, строящий свои действия на основе заранее разработанного и предусматривающего все варианты развития событий плана, а отнюдь не как «любимец богов».

Е.Г. Тейтельбаум (Казань) в докладе «Взгляды Полибия на карфагенскую армию» показал, что отношение историка к пунийскому войску было по преимуществу критическим. Он порицает карфагенян за пассивную оборонительную тактику в полевых сражениях, приводившую их к многочисленным поражениям от римлян. С другой стороны, карфагеняне могли достигать успеха в мелких столкновениях и обороне крепостей. Полибий жестко критикует использование пунийцами наемников, что привело к Наемнической войне 241–237 годов до н.э., поставившей Карфаген на край гибели. Помимо этого, историк объясняет низкие качества карфагенской армии недостатком храбрости и физической силы у финикийцев и ливийцев. Все это свидетельствует о значительной степени субъективности Полибия в данном вопросе, проистекающей из его негативного отношения к наемникам, варварам вообще и карфагенянам в частности.

В докладе *А.С. Анохина* (Москва) «Полибий и Антиох IV: истоки враждебной традиции» были рассмотрены возможные пути возникновения и передачи тех нелестных отзывов, на которые греческий историк не скупился по адресу данного монарха. По мнению автора, сообщение о «странностях» царя происходит из Антиохии и является отголоском политической и идеологической борьбы, которую вели между собой Антиох IV и его племянник – Антиох, сын Селевка IV. Информацию же о недостойном поведении царя в Дафне Полибий узнал от Деметрия (будущего царя Деметрия I Сотера), но этот текст содержит и личное отношение историка. Наконец, история о попытке разграбления храма Артемиды в Элиманде, вероятно, восходит к Филиппу, одному из регентов Антиоха V.

А.Б. Никольский (Астрахань) в докладе «Образ Спарты в произведении Полибия» рассмотрел вопрос о том, какую роль в политической теории ахейского историка сыграло спартанское государство. Отмечается, что Спарта изображалась Полибием своего рода «греческим аналогом» Рима, государством с сильными военными традициями. Чтобы усилить эффект от некоего поблекшей славы Спарты, превозносится роль полководца Ксантиппа, получившего лаконское воспитание (но отнюдь не обязательно бывшего спартанцем), в разгроме римских войск карфагенянами в 255 г. до н.э.

В ходе работы секции «Античное историописание: сюжеты, идеи и методы» были заслушаны два участника. *А.С. Балахванцев* (Москва) представил доклад «К вопросу о времени создания “Парфики” Аполлодора Артемидского». Анализируя две традиции раннепарфянской истории – Арриана, с одной стороны, и Трга со Страбоном – с другой, докладчик подчеркнул, что автор первой версии приписывает роль завоевателя Парфиены и основателя династии Аршакидов Аршака I, параллельно возвеличивая брата последнего, Тиридата. Это объясняется стремлением потомков Тиридата подкрепить свое право на парфянский трон. Так как главным источником 41-й книги Помпея Трга был Аполлодор Артемидский, который ничего не знал об этой (арриановской) традиции, докладчик пришел к выводу, что «Парфика» была написана до того, как потомки Тиридата в 91 г. до н.э. впервые захватили власть в парфянском государстве.

А.В. Короленков (Москва) в докладе «К характеристике письма Митридата в *Historiae* Саллюстия» оспорил мнение о том, что Саллюстий распространял критику развращенности нобилитета, дурно влиявшую на внутривосточные дела, на внешнюю политику Рима. В послании Митридата Ар-

шаку содержится немало искажений, грубых передержек, логически уязвимых трактовок событий, а также фактов, которые понтийский царь вряд ли стал бы приводить в письме другому царю и тем более обсуждать их. Правда, критические высказывания по адресу римлян близки к истине, но последними они явно не принимались и выглядели во многом как пародия на антиримскую пропаганду. Все это, естественно, было призвано дискредитировать Митридата в глазах читателей Саллюстия.

Третья секция конференции – «Александр Македонский: личность в истории и традиции». Э.В. Рунг (Казань) в докладе «Афино-персидские отношения в период похода Александра Македонского» обратился к анализу афинского декрета в честь некоего Мемнона, принятого в 327/6 г. до н.э. Этот эпиграфический документ, несмотря на плохую сохранность, сообщает ценную информацию о контактах афинян с персидскими сатрапами Фарнабазом и Артабазом и греками, состоявшими на персидской службе, – Мемноном и Тимондом. Предложив собственное восстановление 11-й и 12-й строк надписи, докладчик высказался в поддержку тех исследователей, кто полагает, что чествуемое лицо – Мемнон, сын Артабазы, а сам факт принятия декрета отражает не наличие антиалександровских настроений в Афинах, но, напротив, лояльную позицию демоса в отношении царя.

В докладе Е.В. Смыкова (Саратов) «Образ Александра Великого в произведении Валерия Максима» было подчеркнуто, что проблема *Imitatio Alexandri* оставалась весьма актуальной для римского общества как в республиканскую, так и в имперскую эпоху. Валерий Максим, не будучи ни выдающимся историком и писателем, ни представителем римской политической элиты, отражал взгляды на личность и деятельность македонского царя, характерные для «среднего римлянина». Проанализировав наиболее значимые упоминания Александра Максимом, Е.В. Смыков пришел к заключению, что римский автор, высоко оценивая личные качества Александра, подчеркивает губительное воздействие на них со стороны неограниченной тиранической власти, так что едва ли македонский царь мог являться в глазах римлян «идеальным правителем».

«Роман об Александре в отечественной историографии: проблемы и перспективы изучения древнерусских версий» – такова была тема доклада А.В. Михайлова (Саратов). Он предложил обзор основных проблем, связанных с историей изучения (начиная с середины XIX в. и до начала XXI в.) таких литературных произведений, как «Хронографическая Александрия» и «Сербская Александрия». Был затронут вопрос о происхождении и истории взаимодействия древнерусских версий с другими славянскими, греческими, латинскими версиями романа об Александре. Автор подчеркнул необходимость применения к решению данных проблем компаративного подхода и обозначил необходимость рассмотрения этих двух древнерусских памятников в контексте развития Романа не только в Европе, но и на Востоке. Историография вопроса включает в себя работы А.Н. Пыпина, А.Н. Веселовского, В.М. Истрина, А.И. Соболевского, Я.С. Лурье, Е.И. Ванеевой, Н.М. Ботвинник и других исследователей. В докладе Е.А. Чиглицева (Казань) «Образы персонажей эпохи эллинизма в современных социальных представлениях» была предложена условная классификация персоналий IV–I вв. до н.э. в восприятии массового сознания нашего времени: образ-знак (Герострат), образ-символ (Клеопатра) и образ-судьба (Александр Великий) и показана диалектика связей между ними.

Наиболее насыщенной была заключительная секция – «Римско-эллинистический мир: политика, идеология, культура», на которой было представлено девять докладов. О.Л. Габелко (Казань) в докладе «Еще раз о проблеме “предэллинизма”» выразил сомнение в том, что этот термин, введенный в науку В.Д. Блаватским, адекватно отражает исторические реалии, предшествующие походу Александра Великого. Автор постарался показать, что в тех регионах ойкумены, где исследователи иногда обнаруживают взаимодействие греческого и варварского миров, приводящее к появлению своеобразного «эллинизма до эллинизма» (Боспор, Фракия, Сицилия, Кипр), в действительности не происходило реального синтеза в сфере государственности, что, по его мнению, является главным, структурообразующим фактором в становлении эллинистической цивилизации. В действительности таковой обнаруживается в истории Карии и Ликии, однако существовавшие здесь в IV в. до н.э. государства с началом похода Александра быстро и бесповоротно потеряли свою независимость; тем самым прежняя линия их исторического развития не принесла существенно значимых исторических результатов.

К.Л. Гуленков (Москва) в докладе «Снова о термине “эллинизм”» поставил вопрос о возможности определения понятия «эллинизм» не только как конкретно-исторического явления, но и как периода. Докладчик ограничивает территорию распространения эллинизма только Восточным Средиземноморьем. Главной отличительной чертой эллинистического периода, по мнению автора, является сокращение до минимума количества государств, имеющих возможность проводить полностью независимую внешнею политику. Окончание периода эллинизма докладчик предлагает видеть в появлении фактора неоспоримого политического лидерства Рима.

О.Ю. Климов (Санкт-Петербург) в докладе «Царская власть и местное самоуправление в эллинистических государствах Малой Азии» подчеркнул, что в эллинистических монархиях существовала уникальная политическая система. Она включала в себя многие черты государства централизованного, с сильной центральной властью; однако управление многими ее элементами (полисами, восточными городами, храмами и храмовыми общинами, а также племенами) строилось на принципах

развитого местного самоуправления, которое имело реальные полномочия, но при этом контролировалось центральной властью. Очевидно, в подобном сочетании державной централизации и сохраняющегося местного самоуправления заключается одна из своеобразных черт эллинистической государственности и эпохи в целом.

И.В. Востриков (Казань) в выступлении по теме «Афинская эфебия в последней трети IV – первой половине III в. до н.э. по данным эпиграфики» показал, что в этот период институт эфебии в Афинах претерпевает многочисленные и значительные изменения. Вскоре после Херонейской битвы эфебия была реформирована Эпикратом, а в период правления олигархии с 322 по 307 г. до н.э. данный институт, похоже, вообще был отменен. Эфебия была восстановлена после прекращения правления Деметрия Фалерского, однако в преобразованном виде: военная служба юношей стала добровольной и продолжалась всего лишь год, а не два, как ранее. Кроме того, были упразднены некоторые должности, связанные с воспитанием эфэбов, а общее число последних подверглось сокращению.

Затем был зачитан, в отсутствии автора, доклад *А.Л. Зелинского* (Киев) «К датировке брака будущего Деметрия II со Стратоникой». В нем автор полемизирует со мнением исследователей, – в частности, О.Л. Габелко и Ю.Н. Кузьмина, которые датируют этот брачно-династический альянс временем завершения второй Сирийской войны, и приводит свои аргументы в пользу того, что он мог иметь место позже – незадолго до смерти Антиоха II и начала третьей Сирийской войны.

Два доклада были посвящены птолемеевскому Египту. *И.А. Ладьянин* (Москва) в докладе «Жреческие синоды начала правления Птолемея III Эвергета и некоторые особенности общества эллинистического Египта» высказал мнение, что сообщение Порфирия Тирского о наделении Птолемея III эпилезой «Эвергет» «народом египтян» (FGrHist. 260. F. 43) нужно понимать как указание на присвоение ему (и, видимо, одновременно Беренике II) этой культовой почести синодом – собранием жрецов египетских храмов; такие собрания неоднократно засвидетельствованы для начала его правления их декретами-трилингами. В докладе высказано мнение, что поощрение Птолемеем III этого института и придание ему определенной автономии свидетельствует о его стремлении оформить египетское население его державы во главе с элитой в особую корпорацию, связанную с царем узами лояльности, по аналогии с корпорацией, в которую предшественники Эвергета старались объединить своих греко-македонских подданных в рамках системы эпонимного династического культа.

Д. Томпсон (Кембридж) представила доклад «Эллинистический историк среди папирусов: волнения в Египте после битвы при Рафии». Она отметила, что Полибий, описывая события после победы Птолемея IV над Антиохом III, пишет о волнениях среди египтян, которые были вооружены для этой битвы; они, ободренные успехом, отказались выполнять приказы своего царя и искали человека, который мог бы их возглавить. Последующие смуты, согласно еще одному сообщению Полибия, характеризовались жестокостью и беззаконием. Автор предприняла попытку показать, в какой степени собственно египетские источники могут внести дополнительные детали в общую картину этих событий, а также продемонстрировала, что именно говорят папирусы о природе и проявлениях внутренних смут в Египте, в ходе которых вслед за восстанием на юге произошли выступления Дионисия Петосараписа и дальнейшие сирийские вторжения.

Далее был зачитан (в несколько сокращенном виде) доклад *Р.М. Эррингтона* (Берлин) «Римское влияние на межгосударственные договоры греков». Автор показал, что римское присутствие на греческом Востоке оказывало влияние не только на политические, но и на международно-правовые отношения в регионе. Новые находки надписей и их обработка привели к обновлению оценок характера договорных отношений и значимости этих договоров для Римской державы в ее восточной политике. Эти источники говорят об увеличении числа случаев, когда Рим вмешивается в дела греческих городов-государств, участвовал в урегулировании их отношений в качестве арбитра. Тем самым римляне часто прямо или косвенно влияли на внутригреческие договоры.

И.Г. Гурин (Самара) в докладе «Митридат VI Евпатор и серторианцы» высказал мнение, что понтийский царь не смог правильно оценить значение союза с Серторием, так как главной задачей для него оставался поиск союзников в Италии. В результате эффективное сотрудничество между Митридатом и Серторием так и не было налажено, что стало одно из причин поражений и гибели их обоих.

На заключительном заседании были подведены итоги работы конференции. Участники единодушно подчеркнули, что на конференции были представлены доклады, вызвавшие большой интерес, оживленные и плодотворные дискуссии, эффективности которых, по общему мнению, особенно способствовал тематический характер мероприятия (насколько известно, конференция, специально и целиком посвященная эллинистической проблематике, была проведена в России впервые за последние десятилетия).

К началу конференции был выпущен сборник ее материалов, включающий в себя в общей сложности 29 докладов и тезисов¹ (в сборник включены присланные заранее доклады коллег, не имевших

¹ Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка (Казань, 9–11 декабря 2009 г.) / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 2009. 270 с.

возможности присутствовать на конференции лично). В конференции в качестве слушателей и участников дискуссий приняли участие также студенты Саратовского и Нижегородского государственных университетов – стипендиаты Оксфордского Российского фонда, специализирующиеся в сфере истории эллинизма.

Участникам конференции была предложена культурная программа, включавшая в себя посещение Музея истории КГУ, этнографического и археологического музеев КГУ, а также выставки «Дети богов. Античные герои в древнем и новом искусстве» в Эрмитажном центре Казанского Кремля.

О.Л. Габелко

© 2010 г.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФРЭНКА УИЛЬЯМА УОЛБАНКА (1909–2008)

Заслуженный профессор античной истории Ливерпульского университета и почетный член колледжа Питерхауз (Кембридж) Фрэнк Уильям Уолбанк был одним из крупнейших антиковедов XX в. Видный итальянский исследователь А. Момigliano причислил его наряду с А.Х.М. Джонсом и Роналдом Саймом к «великой триаде» британских историков античности второй половины XX столетия¹, а по мнению П. Гарнси², своими трудами Ф. Уолбанк определял направления исследований в области эллинистической истории на протяжении почти полувека. Спектр его научных интересов был поразительно широк: от политической истории Греции и Македонии в эпоху эллинизма и эллинистической культуры до экономической истории Римской империи и закономерностей развития и упадка античной цивилизации.

Ф. Уолбанк родился 10 декабря 1909 г. в небольшом городе Бингли (Западный Йоркшир) в семье школьного учителя. После окончания средней школы в Бредфорде он поступил в университет. Ф. Уолбанк принадлежит к кембриджской школе антиковедения. В Кембридже прошли его студенческие годы, и именно в этот университет-

ский город он возвратился после более чем 40-летнего преподавания в Ливерпульском университете. С 1928 по 1931 г. он изучал древнюю историю и классическую филологию в Питерхаузе (Кембридж).

По окончании университета в течение года Ф. Уолбанк преподавал латынь в одной из школ Манчестера. Для изучения немецкого языка он совершил поездку в Йену. Долгие годы он работал в Ливерпульском университете: вначале ассистентом преподавателя (1934–1936 гг.), затем преподавателем (1936–1946 гг.) и, наконец, профессором (1946–1951 гг.) латинского языка; с 1951 по 1976 г. занимал должность профессора античной истории и классической археологии в том же вузе.

Политической историей эпохи эллинизма Ф. Уолбанк начал заниматься сразу же по окончании университета. В 1933 г. он опубликовал первую свою книгу об Арате Сикионском³. В конце 1930-х годов была завершена монография о македонском царе Филиппе V и изданная в следующем году⁴. В книге исследованы основные аспекты внешней политики Македонского царства на протяжении более чем 40-летнего периода (с 221 по 179 г. до н.э.) и прежде всего противостояние Македонии и Рима. В обеих монографиях автор проявил себя как незаурядный исследователь, способный по-новому интерпретировать уже известные источники – нарративные, эпиграфические и спумизматические.

¹ Momigliano 1984, 1.

² Garnsey 2008.

³ Walbank 1933.

⁴ Walbank 1940 (перезд. в 1967 г.)